

УДК 130.2:291.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V123

ТЕРЕБИХИН Николай Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). Автор более 308 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

МЕЛЮТИНА Марина Николаевна, кандидат философских наук, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (г. Архангельск). Автор более 42 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6492-1306>

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ ПОМОРСКОЙ КРИСОФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ХОЛОДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

В статье на основе семиотического анализа и герменевтики текстов традиционной поморской культуры и произведений, входящих в смысловой круг Северного текста русской литературы, предпринята попытка реконструкции ритуально-мифологических истоков и истолкования архаической семантики целого спектра концептов, образов, метафор и символов, конституирующих корпус поморской криософии и антропологии холода. Концепция криософии как «онтологии холодного мира», системы философских и научных представлений о фундаментальных характеристиках и принципах криосферы во всех ее проявлениях была разработана выдающимся российским геокриологом В.П. Мельниковым. Концептуально-методологический каркас дискурса антропологии холода был артикулирован в трудах сотрудников лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск). Изучение традиционной поморской криософии опирается на предшествующие авторские разыскания в области геософии, сакральной географии, семиотики культурного ландшафта Русского Севера и полностью вписывается в предметно-проблемное поле антропологии холода. Метафизический холод пронизывает все аспекты софийного устройства поморского этноцентра, сакральная геометрия которого подобна конфигурации «холодных обществ». К разряду «холодных социумов», основанных на мифологической парадигме вечного возвращения, несомненно, относятся архаические и традиционные сообщества Русской Арктики (саамы, ненцы, коми, русские поморы). Одним из ведущих механизмов систе-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: terebihinn@mail.ru

**Адрес: 163100, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 78; e-mail: nauka@kenozero.ru

Для цитирования: Теребихин Н.М., Мелютин М.Н. Мифопоэтические аспекты традиционной поморской криософии и антропологии холода: реконструкция и интерпретация // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 4. С. 122–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V123

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области (проект № 18-411-292001 р_мк «Исследование гуманитарно-географических образов этнокультурных ландшафтов Русского Севера как символического ресурса формирования имиджа северных и арктических территорий региона»).

мы «охлаждения» и поддержания режима динамического постоянства (гомеостаза) структуры локальных и этнических сообществ Поморья явилась идеология древнего благочестия, обретшая свой оплот в сакральной геометрии монастырского и земского самоуправления на Русском Севере. «Холодная опция» поморской культуры наряду с «консервирующими» ценностями старой веры включала в себя и более архаичные элементы и механизмы «выхолаживания», восходящие к шаманистскому ритуально-мифологическому комплексу. В поморском дружинном социуме функцию «холодильника», хранящего сокровенное знание об устройстве мироздания и обеспечивающего вековечную недвижность северного мира, исполнял поэт-сказитель, который магией слова претворял ледяное безмолвие Севера в звучащий мифопоэтический космос.

Ключевые слова: криософия, антропология холода, холодный мир, мифо-ритуальная традиция, поморы, Русская Арктика, поэт-сказитель.

Актуальность, теоретическая и практическая значимость разработки предметно-проблемного поля нового направления в философской и культурной антропологии Поморья, связанного с изучением традиционной поморской криософии как системы сакральных знаний о физике и метафизике холодного мира Севера, обусловлены нарастающим объемом, географией и самой логикой развертывания комплексных геокультурных исследований Арктики, сконцентрированных вокруг образа-концепта вечной мерзлоты. Криосфера играла значимую роль в устройении морского промыслового уклада и устава поморов, конструировании их жизненного мира, системы ценностей и образно-символических лоций и карт водно-ледового пространства циркумполярного мира.

В данной статье на основе семиотического анализа и герменевтики текстов традиционной поморской культуры и произведений, входящих в смысловой круг Северного текста русской литературы, предпринята попытка реконструкции ритуально-мифологических истоков и истолкования архаической семантики целого спектра концептов, образов, метафор и символов, конституирующих корпус поморской криософии и антропологии холода.

Начальные этапы становления отечественной криософии связаны с именем гениального русского богослова и философа П.А. Флоренского, который, опираясь на свой «гулаговский» опыт нуминозного переживания и погружения в хаос и «эллинский» космос кристаллической

решетки криолитосферы Севера, заложил фундамент «философии вечной мерзлоты» [1], истолковал ее многослойную символическую структуру и стратиграфию. Криософские умозрения П.А. Флоренского получили дальнейшее развитие в трудах известных исследователей космофилософии и геософии Севера – Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева, создавших уникальную энциклопедию «северной философии» [2].

Концепция криософии как «онтологии холодного мира», как системы философских и научных представлений о фундаментальных характеристиках и принципах криосферы во всех ее проявлениях была разработана выдающимся российским геокриологом В.П. Мельниковым и его учениками: «Криосфера оказала решающее влияние не только на биологию человека, но участвовала на протяжении всего существования человечества в формировании социальных процессов, верований, представлений о прекрасном, определяла мировоззрению людей. <...> Многие этносы сохранили воспоминания о далекой северной прародине, другие – мифы и легенды о загадочных и успешных гипербореях. Понятие комфортной среды обитания – понятие относительное, различное для разных видов живого, и для различных культурных сообществ в разные эпохи. Для многих народов снег и лед являются настолько естественной средой обитания, что воспринимаются как фон, естественное условие бытия» [3, с. 11]. При этом ключевым объектом криологии является лед и его фазовые переходы [4, с. 3].

Идеи криософии способствовали становлению нового, «антропологического» направления в исследовании феноменологии холодного мира, артикулированного в трудах Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск) и Института криосферы Земли Сибирского отделения РАН (г. Тюмень). В проектных целевых программах разработчиков антропологического дискурса определен комплекс проблем, связанных с изучением гуманитарного измерения холодного мира Севера, которое предполагает, в частности, решение таких задач, как «раскрытие гуманитарных аспектов онтологии холода в традиционных культурах коренных народов Севера и Арктики; изучение концепта Холода и Зимости в языковой картине мира, символических коммуникациях, ритуальных практиках и имидж-конструировании» [5].

Концептуально-методологический каркас дискурса антропологии холода, выстроенный сотрудниками лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики, открывает широкие перспективы семиотических и сравнительно-религиоведческих исследований криосферных образов и символов, заложенных в сакральном фундаменте архаических и традиционных социумов циркумполярного ледяного мира [6].

Философско-методологическую матрицу реконструкции сакральных (ритуально-мифологических) оснований традиционных поморских социальных институтов, технологий и форм морской деятельности составляют концепции и идеи классиков европейского традиционализма (Р. Генов, М. Элиаде) и русской религиозно-философской мысли (П.А. Флоренский, В.Н. Топоров), раскрывших священные истоки современных социальных практик [7, 8], а также теургический (ритуальный) характер [9] генезиса всех сфер и отраслей общественного бытия человека: «В этом смысле ритуал должен пониматься как прецедент любой производственно-экономической, духовно-религиозной и общественной деятельности, их источник,

из которого они развились (лишь по отпадении от этого источника, после утраты живых связей с ним, эти “деятельности” стали независимыми и самодовлеющими, более того – хотя бы отчасти продолжающимися в своей совокупности архаичный ритуал), главная сфера реализации социальных функций коллектива» [10, с. 16].

В этом контексте представляется актуальной задача изучения криософских основоположений культурной традиции поморов, которая, по мнению известной исследовательницы русской народной культуры Поморья Т.А. Бернштам, складывалась в процессе славяно-русского освоения Северного края при активном участии аборигенных финно-угорских и самодийских этносов. Особый интерес для целей реконструкции архаических мифопоэтических аспектов традиционной поморской криософии имеют размышления Т.А. Бернштам о генезисе такого яркого социокультурного института, как мужская промысловая община, составляющая «специфику Поморья»: «Не будем забывать об архаических традициях мужских союзов, существовавших в любом этническом массиве, модифицировавшихся в ходе социально-экономической истории и получивших дополнительные стимулы к развитию в специфических или экстремальных условиях. Поморская мужская община обнаруживает ряд признаков архаических мужских объединений, сочетающихся с новыми присущими морской деятельности и жизни» [11, с. 74–75].

Изучение традиционной поморской криософии опирается на предшествующие авторские разыскания в области геософии, сакральной географии, семиотики культурного ландшафта Русского Севера [12, 13] и полностью вписывается в предметно-проблемное поле антропологии холода [4, 14, 15]. Метафизический холод пронизывает все аспекты софийного устройства поморского этноцентра, сакральная геометрия которого подобна конфигурации «холодных обществ» (К. Леви-Стросс) и кристаллическим матрицам и решеткам «холодного северного мира».

«Холодные» общества Леви-Стросса «словно бы отыскали или сохранили особую мудрость, побуждающую их отчаянно сопротивляться

любому изменению их структуры, которое сделало бы возможным вторжение истории» (цит. по: [16, с. 72]). Развивая идеи классика структурной антропологии, выдающийся исследователь культурной памяти Я. Ассман предлагает говорить не о строгом различии холодных и горячих обществ как «идеально-типических полюсах цивилизации», а об особых «системах охлаждения и нагрева», об «успокоительных и возбуждающих элементах», о «холодных и горячих опциях культуры» [16].

К разряду «холодных» социумов, основанных на мифологической парадигме вечного возвращения, несомненно, относятся архаические и традиционные сообщества Русского Севера и Русской Арктики (саамы, ненцы, коми, русские поморы), для которых Холод являлся их жизненным миром, метафизическим принципом и недвижимым двигателем их жизнеутверждающего пребывания на самом холодном краю ойкумены. Одним из ведущих механизмов системы «охлаждения» и поддержания режима динамического постоянства (гомеостаза) структуры локальных и этнических сообществ Поморья явилась идеология древнего благочестия, отраженная в сакральной геометрии монастырского и земского самоуправления на Русском Севере.

О значимости «подмораживающей опции» старой веры на Севере свидетельствуют ментальные биографии гениев северного месторазвития и выразителей поморского самосознания (Ломоносов, Писахов, Шергин), духовные истоки которых связаны со старообрядчеством, замешанном на примордиальном полярном морозце. Борис Шергин в своих размышлениях о собственном выборе веры предельно точно выразил староверческую идентичность северного человека: «Я не рассуждал, есть ли Бог. Лет с семнадцати меня страстно занимала мысль: которая вера права? Старая, дониконовская, или “новая”, в которой я крещен. И много лет сердце мое склонялось в сторону староверия. Жил я в северном городе, где народ вообще уважает старину... Много лет страсть к древней иконописи и к древнему церковному пению, любовь к старому обряду были моей

жизнью, слабохарактерность (это ли?..) помешала мне перейти к старообрядцам» [17, с. 359].

Криосферные мотивы «замороженности», «остуженности», «оледенелости» включены в социальный и личностный идентитет помора-старовера, размышляющего о своей «замороженности» и «скованности», порожденных неизменной верностью старому обряду, священным законам и заповедям старины.

Известный русский путешественник С.В. Максимов, изучая этнографию Печорского края, расспрашивал усть-цилемских староверов, почему они плохо обрабатывают и солят рыбу. На что следовал самоуничижительный ответ «замороженных» печорских «пошехонцев»: «Да уж делать видно так, как заведено исстари. Вот поди ты, отчего бы и не делать-то лучше, право! Ишь ведь мы народ какой глупый, право? Захотел ты от нас, от дураков: как, знать, рождены, так и заморожены, право!» [18, с. 353].

«Холодная опция» поморской культуры наряду с «консервирующими» ценностями старой веры включала в себя и более архаичные элементы и механизмы «выхолаживания», восходящие к шаманистскому ритуально-мифологическому комплексу. В поморском дружинном социуме функцию «холодильника», хранящего сокровенное знание об устройстве мироздания и обеспечивающего вековечную неподвижность северного мира, исполнял поэт-сказитель («старинщик»), знаток старин и ревнитель старины [19, с. 33]. Образ поморского поэта как хранителя «обожествленной памяти» (В.Н. Топоров) и лоцмана-путеводителя по смертным пространствам Студеного моря раскрывает его изначальную шаманскую природу: «Шаман в этносе представляет собой его персонифицированный и функциональный синтез. Он выполняет главную работу этноса: следит за сохранением постоянства этнической структуры. Шаман выражает собой баланс: то, что делает этнос этносом – неизменность, непрерывность, трансляцию кода, передачу знаний (мифов, обрядов, традиций), исправление всех погрешностей социального и природного характера, с которыми сталкивается этнос» [20, с. 212].

Поморский поэт (сказитель, песенник, старинщик), подобно своему скандинавскому собрату по словесному дару – скальду, входившему в состав дружины викингов и воспевавшему щедрость, доблести и воинские подвиги героев и предводителей северного фронта, имел высочайший сакральный (семиотический) статус и верховенствовал в «ролевой» иерархии поморского этноцентра, в промысловых мужских союзах (дружинах), выходящих на ледовые «весновальские» побоища морского зверя, плававшая с ним на дрейфующих льдинах, и составляющих с ним, по выражению М.М. Пришвина, «самобытную организацию людей и зверей, похожих на человека» [21, с. 226].

Одним из известных сказителей беломорской деревни Лопшеньга был Николай Нестерович Петров, получивший за ловкость в зверобойной охоте прозвище «Фараон». «Фараона в середку посадят. Первое место даешь ему, потому, что сказочник. Находились люди такие – табак наготово наворачивают только: “Расскажи, пожалуйста” [...]. Всю ночь бывало сказывал», – вспоминали зверобой [22, с. 97–98].

В отличие от поэта (шамана), наделенного божественным даром избранничества, «военный» вождь поморского ледового ритуала весновальной охоты (юровщик), подобно конунгу – предводителю похода викингов, также обладавшему сакральной харизмой, избирался советом промысловой (воинской) дружины (ромши) из числа самых знающих, мужественных, честных и щедрых кормчих: «Он старый моряк, испытанный все в море. И за это я люблю его: крепкая стихийная душа – это целая сокровищница. А старик – совсем особенный моряк. Его называют юровщик. Мне объяснили это название так: юровщик, значит, человек, который идет впереди и за ним остается след; юро – все те, которых он ведет за собой. Но, может быть, это значит – просто человек, имеющий дело с юровом, со стадом морских зверей. Каждый год, вот уже тридцать зим, этот юровщик во главе ромши (промысловой артели из восьми человек) пускается на льдине за морскими зверями. Эту льдину с людьми носит от

одного края моря к другому, между опасными подводными камнями, водоворотами, островами; случается, пронесит и в океан. Юровщик – это предводитель на льдине: он ведет людей и выбирается из самых храбрых, справедливых и умных» [21, с. 217].

После избрания ледового предводителя дружинники в храме приносили присягу верности юровщику и морскому промысловому уставу: «Восьмой я шел, вот и вся наша ромша. Собрались, согласились, пошли к батюшке, молебен отслужили. После службы при батюшке обещались мне повиноваться из-под моей воли не выходить и чтобы друг дружку хранить, как обневолят во льдах порато (сильно), крест поцеловали!» [21, с. 225].

«Самобытная организация людей и зверей», ведомая юровщиком, обладает удивительной по красоте внутренней симметрией и семеричной космологической символикой, знаменующей соответствие семи членов промысловой дружины и числа особей в стаде зверей («Юро тюлений, как счет, семь штук, голов» [23, с. 689]).

Обрядовые сборы промысловой ромши завершались ритуалами последнего, «мертвецкого» питья отвальной и проводов-прощания с миром: «Вот походил на Зимно море, [...] вот домой пришли: мать [...], отец, сестры, [...] дядя Адриан, деинка. [...] отец лампадку за светит, [...] все перекрестятся и потом... Ну я походил – перво к отцу в ноги проститься: на воду на живу идешь, може и не бывать... матери в ноги, с сестрами поцелуемся, а с теми обручки, вот и отправисса», – рассказывает лопшарь (житель деревни Лопшеньги) Петр Михайлович Юдин [24, л. 13].

Обряд проводов поморской дружины на смертный бой с морским зверем и морской стихией (духами моря), подобно воинскому (рекрутскому) ритуалу прощания с воином, отправляющимся на смертельно опасный фронт, строился по инициатической схеме переходных («крайних») обрядов проводов «на тот свет», что в целом придавало ритуалу ледового побоища характер тотальной погребально-

поминальной тризны, тернарная структура которой предполагает «повальное» пиршество, состязание и жертвоприношение. В поморской ритуально-мифологической традиции жертва приносилась морскому богу.

Перед отправлением в «последний», ледяной поход и в гибельном «относе морском» поморы взывали к «русскому богу» – Николе Морскому и давали жертвенный обет, обязательно исполнявшийся по возвращении-спасении из узилища смертельного ледового плена.

Осознание близкой смерти во льдах и подготовка себя к погребению описана лопшарем Матвеем Осеевичем: «В море один остался. Он стал истомляться, начал из тартыша (льдина в море), из ропачков (намерзания на льдине) себе могилу делать. Кафтан был при себе, и потом у него были пострелены 4 нерьпы – 2 постелил в могилу, нерьпу одел на себя, а ишо одну для прикрутки, повалился совсем уж на смерть» [25, с. 46].

Благословление на промыслы лопшари получали у священников в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. Благодарственный молебен служили и после возвращения. Из воспоминаний лопшарей: «Ране, ежели вынесет на берег благополусьно со всем промыслом – богу зверь отсулен был, всегда было уш это. Мы взяли лысана одного, стянули в деревню, продали – и деньги в церковь положили» [24, л. 15].

Календарный обряд испытания поморской судьбы – поединка с хозяевами морской стихии на дрейфующих льдинах есть «не что иное, как “микрокосмическое” соответствие того “макрокосмического” поединка, который приурочивается к стыку Старого и Нового года в главном годовом празднике, где демиург борется со своим противником, носителем хаоса и смерти, и побеждает его, восстанавливая тем самым новую космическую организацию» [26, с. 20].

Поморский промысловый ритуал ледового побоища-жертвоприношения морского зверя, из тела которого развертывается космос новой «старой» жизни, знаменует собой конец зимнего «времени сновидений» и начало (рождение, пробуждение) нового молодого мира.

Бытие поморов как насельников холодного мира Края Земли у «луки» Студеного моря (Лукоморье) задано парадигмой лукоморского мифа о северных народах, умирающих на зиму и оживающих летом. Как и подобает обитателям Лукоморья, поморы зимой «умирают» (как медведи, впадают в зимнюю спячку), а весной «оживают», готовясь к летним морским походам и промыслам. Особенно ярко картины и образы поморского смертного сна и вещей видений представлены в текстах, описывающих вынужденные зимовки промысловиков на самых холодных пределах Лукоморья – архипелагах Новая Земля и Шпицберген (Грумант). В этом отношении большой интерес представляют свидетельства К.Д. Носилова, который во время зимовки на Новой Земле в святочный период расспрашивал старого кормщика-помора о чудесах и видениях, являвшихся зимовщикам-промысловикам в «страшные» святочные вечера и ночи. В рассказе помора о новоземельских сновидческих «обмираниях» постоянно звучит мотив «зимней спячки»: «Запасли трески, калачей, всей провизии и залегли на койках. Что нам? Беда не наша – хозяйская, жалованье идет, провианту довольно, лежим себе, мало горя, едим, чай попиваем, сухари хрустаем. Погода хорошая – к полынье пройдемся, тюленя поколотим. Только тогда и было нам неловко, как с горы ветер ударит. Зашумит это в снастях, завоет, засвистит, запотрескивает, все закачается, ветер по палубе заходит, затрясет все и пойдет все завивать со свистом... Отлежишься, проспишь погоду и снова покой – гуляй на палубе, иди на охоту, лови песцов, карауль ошкуя и спи вволю. Только это уже около Рождества – мы и праздники все со спаньем потеряли, – как наступили потемки, случилась с нами история» [27, с. 100].

В святочном рассказе помора, повествующем о сонном, дремотном царстве полярного Морфея, зимовщикам являются смертоносные духи-хозяева ледяного мира арктического архипелага – Чудь белоглазая, скрывающаяся от людей в пещерах, черная собака и страшная болезнь – цинга в облике обнаженной женщины. Эти же духи местности – гении полярного

инобытия – представлены и в поморской геопоэтике Шпицбергена, где обитают его хозяин – Грумаланский Пес и Старуха-Цинга с двенадцатью сестрами.

Исследовательница русского фольклора Шпицбергена М.Н. Власова отмечает, что «приблизительно в середине октября, с наступлением полярной ночи вплоть до середины февраля промысловики томились вынужденным бездельем. Многих неодолимо тянуло ко сну, а “через два добрых уповода спячки человек начинал цинготеть”. Гибельные “сонные грезы” способствовали распространению веры в то, что цинга на Груманте “ходит вявья”, принимая обличия старухи, женщины, девушки» [28, с. 400].

Ненецкие насельники – колонисты Новой Земли и поморские зимовщики – «узники» новоземельской полярной ночи восставали из смертельной зимней спячки, встречали новое Солнце в день св. Афанасия Великого и отмечали встречу Солнца в праздник Сретения Господня: «Смотрим, на Стретьев день (2 февраля), оно, батюшко, красное солнышко, во всей-то своей красоте из-за гор и выглянуло. И так мы ему все обрадовались, заплясали, целоваться начали, ей Богу! Отец, мол, ты наш родной, при тебе теперь не скучно будет, радость ты, мол, наша! Так это все ему, что человеку, мы и обсказывали в очи... Наступил, значит, и велик день – Благовещенье, большой у Господа праздник; сказано: на этот день и птица гнезда не вьет, а, по-нашему, на тот день и работать нельзя. Вышли мы потому из избы, стали к востоку, да и запели церковные стихиры, какие знали» [18, с. 394]. В религиозном сознании поморов праздники Сретения и Благовещения наделялись глубинным смыслом встречи с Богом и получения благой вести о грядущем воскресении от зимнего смертного сна.

Святитель Афанасий Великий, на день памяти которого («Ломонос») приходятся самые лютые морозы, «ломающие» климатическую грань зимы и весны, а также носы «замороженных» жителей Севера («в Офонасьев день – самый крень, самы морозы живут»), имеет непосредственное отношение к происхождению

фамилии М.В. Ломоносова, которого с афанасьевским сакральным морозным ономастиком связывают не только криосферные коннотации имени святителя, но и топонимия островной родины гения Поморья (деревня Афанасьевская), славное имя великого сподвижника Петра I и просветителя Архангельского Севера – Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского.

Кровавая драма охотничьего поединка человека и зверя на ледяных просторах студеного Белого моря, восходящая к космогоническому новогодному мифу и ритуалу тотального жертвоприношения, разрушает симфонию всеединного мира богов, людей и зверей, низвергает его в пучину хаоса, преодоление которого и поэзис (делание, творение) нового «старого» мира и является прерогативой, миссией поморского поэта, который ритмами своей «устроительной» речи, орнаментальным плетением словес «утишает» морскую стихию, возвращает северный мир к его гомеостатическому состоянию вечного покоя.

Используемые поэтом Севера «ритуальные и устойчивые обороты речи, сакральные формулы и наиболее распространенные фигуры призваны закрепить основные узлы карты этноцентра, служащие системой координат. Постоянное их повторение служит именно закреплению постоянства и неизменности этнической статической структуры» [20, с. 221].

Поэтическим художеством резного узорочья и вязания узлов, которые возрождали мировую гармонию и чинили сеть рвущихся социальных связей и привязанностей, обладали все члены поморской дружины, плавающие на ледяных островах по гибельным волнам морского хаоса во время ледовитой зверобойки.

Ожидая подхода льдины с лежками морских зверей, промысловики-дружинники занимались ювелирной по технике исполнения, мелкоузорной резьбой по дереву. По старинному обычаю каждый из них с весновального промысла в подарок жене или дочери должен был привести узорную прялку или рубель, а детям – массивные резные конники и куклы-панки [29, с. 41–42].

Реконструируя важнейшие аспекты становления поэтического искусства выдающегося

северного сказителя Т.Г. Рябина, известный российский фольклорист Н.А. Криничная указала на неразрывную связь в его творчестве искусства «плетения словес» и ремесла «плетения сетей»: «Как занятие, особенно благоприятствующее бытованию эпической поэзии, характеризует плетение сетей А.Ф. Гильфердинг. <...> Процесс вязания сетей, как и другие тождественные по своей семантике занятия, представлял собой некий магический акт, где каждое действие, произведенное посредством определенного атрибута, каждое слово, организованное определенным ритмом напева, согласно народным верованиям, непременно влекло за собой те или иные последствия» [30].

Онтический, бытийственный характер поэтического слова гиперборейских сказителей, прославлявших героев холодного мира Севера, явлен в скальдической поэзии, в которой «разница между поэзией и ремеслом вообще не осознавалась: поэт не “сочиняет”..., но “мастерит”, “сооружает”, “кует” свои висы, “обрабатывая” данный ему предмет “орудием поэзии”. Описывая процесс создания стихов в терминах производства материальных ценностей, скалды не отделяли от физических умений и самую способность к поэтическому творчеству. <...> Поэзия мыслилась как вещественная субстанция, а процесс усвоения скальдического мастерства описывался как сугубо физическое действие» [31, с. 491].

Мотив вещественности ткани (текстуры) поэтического произведения (песня, слово, звук), превращенной северным сказителем («дедом морозом») в ледяной звучащий космос Русского Севера, блестяще воплощен в литературных и живописных произведениях одного из величайших творцов Северного текста русской культуры – С.Г. Писахова. В них развернута целостная геокультурная панорама полярной символики арктического пространства как мировой горы, явленной в образе величественного «ледовитого» собора-храма, наполненного светом и теургическими песнопениями: «Север (Арктика) – строгий, светлый крупнейший кафедрал. Простор напоен стройным

песнопением. Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика – утро Земли. Жизнь на Земле только что начинается. Там теряется мысль о благах обычных, так загораживающих наше мышление. Если в Арктике быть одному и далеко от жилья – хорошо слушать святую тишину. Незакатное солнце наполняет светом радости. Север своей красотой венчает земной шар...» [32, с. 201]. Арктика – застывшая в вечном покое криосферная окаменелость (криолит), запечатлевшая архетипику и архетопику рождения мира и его начального, райского (детского) пакибытия. Писаховские поморы обитают в ледяном звучащем ландшафте «замороженных» слов и песен, освещают свои домовые хоромы «высушенными» на зиму сполохами северного сияния, рождаются, живут, умирают, промышляют морского зверя на «вечных» дрейфующих льдинах, образуя со своей охотничьей добычей самобытную организацию людей и зверей, похожих на человека.

В колористической палитре мира Писахова Север окрашен в холодные оттенки серого (серебристые тона), звучащие в унисон с серебряным камертоном его «зимнего» гения: «В зимнюю пору Север богат серебристыми жемчужными тонами. В Риме меня просили научить серебристым тонам. Я ответил: “Это дает Север...” В своих картинах я весь отдался Северу. Я здесь родился и вырос. Пока не был на юге, я вместе со всеми твердил о “сером севере”, о солнечном “юге” и другую такую же чепуху» [32, с. 201].

В сакральной цветописи семиотического ансамбля Русского Севера серые краски потаенно прикрывали серебряную ипостась его гения места, запечатленную в серебристых отблесках деревянной архитектуры, в серебрящемся мареве белых ночей, в среброкипящем потоке струящихся вод и в сверкании серебряных рыбин. Геопоэтика Севера как царства Серебряного Света, высветляющего и трансмутирующего холодную серость северных просторов, блестяще раскрыта в «арктическом тексте» Юнны Мориц: «Русский север не серого цвета. / Серебристый, серебряный свет / Заливает

сокровище это, / В русском севере – серости нет».

Серебристая колористика зимости пронизывает семиосферу культурного ландшафта южной столицы Русского Севера – города Великого Устюга, отражаясь в традиционных устюжских ювелирных художествах ледяных узоров

«мороза по жести», «чернения по серебру», в городской геральдике, в современных креативных технологиях и практиках имидж-конструирования, манифестирующих сугубо северную и зимнюю идентичность священного града Архангела Михаила как «родины Деда Мороза» – серебряной столицы холодного мира.

Список литературы

1. Павлюченков Н.П. Научные исследования и «символические» созерцания священника Павла Флоренского на Дальнем Востоке // Гуманит. пространство. 2017. Т. 6, № 3. С. 510–521.
2. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. 375 с.
3. Мельников В.П., Геннадиев В.Б. Криософия – онтология холодной материи // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2012. № 10. С. 6–14.
4. Мельников В.П., Геннадиев В.Б. Криософия – система представлений о холодном мире // Криосфера Земли. 2011. Т. XV, № 4. С. 3–8.
5. Романова Е.Н. Гуманитарное измерение холодного мира: интеграция науки и культуры. URL: <https://www.safu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/obshchestvennye-organizatsii/presidium/%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pptx> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Романова Е.Н., Добжанская О.Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263. DOI: [10.17223/22220836/35/23](https://doi.org/10.17223/22220836/35/23)
7. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Акад. проект, 2019. 265 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Акад. проект, 2020. 235 с.
9. Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: РОССПЭН, 2010. 568 с.
10. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / отв. ред. Е.С. Новик; сост. Л.Ш. Рожанский. М.: Наука, 1988. С. 7–60.
11. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в: этнографические очерки. Л.: Наука, 1983. 231 с.
12. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: СОЛТИ, 2020. 516 с.
13. Мелютин М.Н., Теребихин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск: СОЛТИ, 2013. 203 с.
14. Мельников В.П., Геннадиев В.Б., Федоров Р.Ю. Гуманитарные аспекты криософии // Криосфера Земли. 2016. Т. XX, № 2. С. 112–117.
15. Романова Е.Н., Замятин Д.Н. Холодный мир: два полюса измерения // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования / под общ. ред. Д.Н. Замятина, Е.Н. Романовой. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. С. 6–12.
16. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 368 с.
17. Шергин Б.В. Изящные мастера: поморские былины и сказания. М.: Молодая гвардия, 1990. 430 с.
18. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 607 с.
19. Теребихин Н.М., Тамицкий А.М., Худяев А.С., Журавлев П.С. Механизмы памяти в ментальной экологии народов Севера // Экология человека. 2019. № 3. С. 30–37. DOI: [10.33396/1728-0869-2019-3-30-37](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-3-30-37)
20. Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Акад. проект, 2011. 639 с.
21. Пришвин М.М. За волшебным коловоротом (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии) // Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Произведения 1906–1914 годов. М.: Худож. лит., 1982. С. 181–386.
22. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы / сост. Н.И. Рождественская. Архангельск: Арханг. обл. кн. изд-во, 1952. 188 с.

23. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р – V. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. 712 с.
24. Рос. гос. арх. лит. и искусства. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127.
25. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / запись текстов, вступ. ст. и коммент. Н.И. Рождественской. Архангельск: Архгиз, 1941. 224 с.
26. *Топоров В.Н.* Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд) / отв. ред. В.В. Иванов, Л.Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 12–47.
27. *Носилов К.Д.* На Новой Земле: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
28. *Власова М.Н.* Русский фольклор Груманта (Шпицбергена) // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 35 / отв. ред. Е.И. Якубовская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 385–412.
29. *Мальцев Н.В.* Народное искусство Северного Поморья // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. / сост. М.Н. Мелютина, отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск: Нац. парк «Кенозерский», 2011. С. 32–44.
30. *Криничная Н.А.* Феномен сказительского искусства: к реконструкции становления Т.Г. Рябинина как певца былин // Рябининские чтения '95: материалы междунар. науч. конф. / Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 1997. С. 15–26. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/118.html> (дата обращения: 01.03.2021).
31. *Гуревич Е.А.* Скальды // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 485–493.
32. *Писахов С.Г.* «...Я весь отдался Северу»: странички из дневника // *Писахов С.Г.* Сказки. Очерки. Письма / сост. И.Б. Пономарева. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. С. 201–202.

References

1. Pavlyuchenkov N.P. Nauchnye issledovaniya i “simvolicheskie” sozertsaniya svyashchennika Pavla Florenskogo na Dal'nem Vostoke [Priest Paul Florensky's Research and “Symbolic” Contemplation in the Far East]. *Gumanitarnoe prostranstvo*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 510–521.
2. Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. *Filosofiya Severa: korennye malochislennye narody Severa v stsenariyakh miroustroystva* [Philosophy of the North: Indigenous People in World Order Scenarios]. Salekhard, 2006. 375 p.
3. Mel'nikov V.P., Gennadinik V.B. Kriosofiya – ontologiya kholodnoy materii [Cryosophy: The Ontology of Cold Matter]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 10, pp. 6–14.
4. Mel'nikov V.P., Gennadinik V.B. Kriosofiya – sistema predstavleniy o kholodnom mire [Cryosophy: A System of Ideas About the Cold World]. *Kriosfera Zemli*, 2011, vol. 15, no. 4, pp. 3–8.
5. Romanova E.N. *Gumanitarnoe izmerenie kholodnogo mira: integratsiya nauki i kul'tury* [Humanitarian Dimension of the Cold World: Integration of Science and Culture]. Available at: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/obshchestvennye-organizatsii/presidium/%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pptx> (accessed: 1 March 2021).
6. Romanova E.N., Dobzhanskaya O.E. Antropologiya kholoda: metodologiya, kontsepty, obrazy (na primere kul'turnykh traditsiy korennykh narodov Severa i Arktiki) [Anthropology of the Cold: Methodology, Concepts, Images (on the Materials of Cultural Traditions of Indigenous Peoples of the North and the Arctic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2019, no. 35, pp. 255–263. DOI: [10.17223/22220836/35/23](https://doi.org/10.17223/22220836/35/23)
7. Guénon R. *La crise du monde moderne*. Paris, 1927. 245 p. (Russ. ed.: Genon R. *Krizis sovremennogo mira*. Moscow, 2019. 265 p.).
8. Eliade M. *Aspekty du mythe*. Gallimard, 1995 (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2020. 235 p.).
9. Florenskiy P.A. *Filosofiya kul'ta (opyt pravoslavnoy antropoditsei)* [Philosophy of Worship (Experience of Orthodox Anthropodicy)]. Moscow, 2010. 568 p.
10. Toporov V.N. O rituale. Vvedenie v problematiku [On the Ritual. Introduction to the Problem Area]. Novik E.S. (ed.). *Arkhaicheskiy ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [Archaic Ritual in Folklore and Early Literary Monuments]. Moscow, 1988, pp. 7–60.
11. Bernshtam T.A. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v: etnograficheskie ocherki* [Russian Folk Culture of Pomorye in the 19th – Early 20th Centuries: Ethnographic Essays]. Leningrad, 1983. 231 p.

12. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk, 2020. 516 p.
13. Melyutina M.N., Terebikhin N.M. *Sakral'nyy landshaft Kenozera* [The Sacred Landscape of Kenozero Area]. Arkhangelsk, 2013. 203 p.
14. Mel'nikov V.P., Gennadinik V.B., Fedorov R.Yu. Gumanitarnye aspekty kriosofii [Humanitarian Aspects of Cryosophy]. *Kriosfera Zemli*, 2016, vol. 20, no. 2, pp. 112–117.
15. Romanova E.N., Zamyatin D.N. Kholodnyy mir: dva polyusa izmereniya [Cold World: Two Poles of Measurement]. Zamyatin D.N., Romanova E.N. (eds.). *Geokul'tury Arktiki: metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya* [Geocultures of the Arctic: Analysis Methodology and Applied Research]. Moscow, 2017, pp. 6–12.
16. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich, 1992. 344 p. (Russ. ed.: Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow, 2004. 363 p.).
17. Shergin B.V. *Iz'yashchnye мастера: pomorskie byliny i skazaniya* [Graceful Masters: Pomor Epic Poems and Legends]. Moscow, 1990. 430 p.
18. Maksimov S.V. *God na Severe* [A Year in the North]. Arkhangelsk, 1984. 607 p.
19. Terebikhin N.M., Tamitskiy A.M., Khudyaev A.S., Zhuravlev P.S. Mekhanizmy pamyati v mental'noy ekologii narodov Severa [Mechanisms of Memory in Mental Ecology of the Northern Peoples]. *Ekologiya cheloveka*, 2019, no. 3, pp. 30–37. DOI: [10.33396/1728-0869-2019-3-30-37](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-3-30-37)
20. Dugin A.G. *Etnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Moscow, 2011. 639 p.
21. Prishvin M.M. Za volshebnyy kolobkom (Iz zapisok na Kraynem Severe Rossii i Norvegii) [The Bun (From the Notes in the Far North of Russia and Norway)]. *Sobranie sochineniy. T. 1. Proizvedeniya 1906–1914 godov* [Collected Works. Vol. 1. Works of 1906–1914]. Moscow, 1982, pp. 181–386.
22. Rozhdestvenskaya N.I. (comp.). *O rybakakh, morskikh zveroboyakh i okhotnikakh. Narodnye skazy, skazki, pesni i chastushki, poslovitsy* [On Hunters, Fishermen, and Sea Hunters. Folk Tales, Fairy Tales, Songs and Ditties, Proverbs]. Arkhangelsk, 1952. 188 p.
23. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4: R – V. St. Petersburg, 1882. 712 p.
24. *Russian State Archives of Literature and Art*. Coll. 2950. Inv. 1. Fol. 127 (in Russ.).
25. Rozhdestvenskaya N.I. (comp.). *Skazy i skazki Belomor'ya i Pinezh'ya* [Tales and Fairy Tales of the White Sea and Pinega Regions]. Arkhangelsk, 1941. 224 p.
26. Toporov V.N. Konnye sostyazaniya na pokhoronakh [Equestrian Competitions at Funerals]. Ivanov V.V., Nevskaya L.G. (eds.). *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: (Pogrebal'nyy obryad)* [Studies into Balto-Slavic Spiritual Culture: (Burial Ceremony)]. Moscow, 1990, pp. 12–47.
27. Nosilov K.D. *Na Novoy Zemle: Ocherki i nabroski* [On Novaya Zemlya: Essays and Sketches]. Tyumen, 1997. 368 p.
28. Vlasova M.N. Russkiy fol'klor Grumanta (Shpitsbergena) [Russian Folklore of Grumant (Spitsbergen)]. Yakubovskaya E.I. (ed.). *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Materials and Research]. Vol. 35. St. Petersburg, 2016, pp. 385–412.
29. Mal'tsev N.V. Narodnoye iskusstvo Severnogo Pomor'ya [Folk Art of Northern Pomorye]. Melyutina M.N. (comp.). *Kenozerskie chteniya – 2009. Etnokul'turnyy landshaft Kenozera: mezhdistsiplinarnoe issledovanie na peresechenii estestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Kenozero Readings – 2009. Ethnocultural Landscape of Kenozero: Interdisciplinary Research at the Intersection of Natural Sciences and the Humanities]. Arkhangelsk, 2011, pp. 32–44.
30. Krinichnaya N.A. Fenomen skazitel'skogo iskusstva: k rekonstruktsii stanovleniya T.G. Ryabinina kak pevtsa bylin [The Phenomenon of the Art of Storytelling: Reconstructing T.G. Ryabinin's Becoming a Singer of Epic Poems]. *Ryabininskie chteniya '95* [Ryabinin Readings – 1995]. Petrozavodsk, 1997, pp. 15–26. Available at: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/118.html> (accessed: 1 March 2021).
31. Gurevich E.A. Skal'dy [Skalds]. Gurevich E.A. (ed.). *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Mediaeval Culture]. Moscow, 2003, pp. 485–493.
32. Pisakhov S.G. "...Ya ves' otdalsya Severu": stranichki iz dnevnika ["... I've Given All of Myself to the North": Extracts from a Diary]. Pisakhov S.G. *Skazki. Ocherki. Pis'ma* [Fairy Tales. Essays. Letters]. Arkhangelsk, 1985, pp. 201–202.

DOI: 10.37482/2687-1505-V123

Nikolay M. Terebikhin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X> e-mail: terebihinn@mail.ru

Marina N. Melyutina

Kenozero National Park;
nab. Severnoy Dviny 78, Arkhangelsk, 163100, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6492-1306> e-mail: nauka@kenozero.ru

MYTHOPOETIC ASPECTS OF TRADITIONAL POMOR CRYOSOPHY AND ANTHROPOLOGY OF THE COLD: RECONSTRUCTION AND INTERPRETATION

This article deals with the reconstruction of the ritual-mythological origins and interpretation of archaic semantics of a number of concepts, images, metaphors and symbols that constitute the corpus of Pomor cryosophy and anthropology of the cold. The research is based on the semiotic analysis and hermeneutics of traditional texts of Pomor culture and works included in the semantic circle of the Northern text of Russian literature. The concept of cryosophy was developed by the outstanding Russian geocryologist V.P. Melnikov, who viewed it as an “ontology of the cold world”, a system of philosophical and scientific ideas about the fundamental characteristics and principles of the cryosphere in all its forms. The conceptual and methodological framework of anthropology of the cold was articulated in the works of employees of the Laboratory for Comprehensive Geocultural Research on the Arctic (Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk). The study of traditional Pomor cryosophy is based on the author’s previous research in the field of geosophy, sacred geography, and semiotics of cultural landscape of the Russian North. It is fully compliant with the subject-problem field of the anthropology of the cold. Metaphysical cold pervades all aspects of the sophic arrangement of the Pomor ethnocentrum, whose sacred geometry is similar to the configuration of “cold” societies. The class of “cold” societies based on the mythological paradigm of eternal return includes the archaic and traditional communities of the Russian Arctic (Sami, Nenets, Komi, Russian Pomors). The ideology of Old Believers was one of the leading mechanisms aimed to “cool” and maintain the homeostasis of the structure of local and ethnic communities in Pomorye. It was reflected in the sacred geometry of monastic and local self-government in the Russian North. The “cold option” of Pomor culture, along with the preserving values of the old faith, included more archaic elements and “cooling” mechanisms going back to the shamanistic ritual-mythological complex. In Pomor society, the function of such a refrigerator, preserving the sacred knowledge of the structure of the universe and maintaining the eternal still of the northern world, was performed by the poet-storyteller. He used word magic to turn the icy silence of the North into the sounding mythopoetic cosmos.

Keywords: cryosophy, anthropology of the cold, cold world, mythological and ritual tradition, Pomors, Russian Arctic, poet-storyteller.

Поступила 16.03.2021

Принята 20.08.2021

Received 16 March 2021

Accepted 20 August 2021

For citation: Terebikhin N.M., Melyutina M.N. Mythopoetic Aspects of Traditional Pomor Cryosophy and Anthropology of the Cold: Reconstruction and Interpretation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 122–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V123